

ваний («Цвіце на Палессі груша» [5], «Хроніка дзетдомаўскага саду» [6]). Элементы міфалогічнага свядомства можна выявіць у герояў, испытываючых чужыню віны за свае паступкі, ошчуцаючых сябе чужымі сярод людзей («Неруш» [4], «Бунт незапатрабаванага праху» [3]). Унутранні сэнсавы план твора героя прыбывае, асноўна, у прозе Козько.

Выводы. Сквозь пераважна рэалістычную аснову прозы В. Астафьева і В. Козько праступае міфалогічны пласт, тесна звязаны з рэальнасцю. У творчых працах Козько міфалогізм становіцца асновополагаючым прыёмам, дапамагаючым раскрыць іх ідэйную канцэпцыю, псколькі творчэства беларускага пісатэля сарыентывавана на міфалогічны тып мышлэння. Проза Астафьева мае ярка выражаную сацыяльную наравленнасць, следаватэльно, міфалогічны падтэкст толькі ўсылівае яе сацыяльнае звучанне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев, В.П. Последний поклон. В 2-х т. / В.П. Астафьев. – М.: «Молодая гвардия», 1989.
2. Астафьев, В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах / В.П. Астафьев. – М.: «Эксмо», 2007. – 512 с.
3. Казько, В.А. Бунт незапатрабаванага праху: Раман. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 340 с. – (Кнігарня «Наша Ніва»).
4. Казько, В.А. Неруш: Раман. Суд у Слабадзе: Аповесць / В.А. Казько. – Мн.: Юнацтва, 1991. – 589 с.
5. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мн.: «Мастацкая літаратура», 1998. – 480 с.
6. Казько, В.А. Хроніка дзетдомаўскага саду: Раман / В.А. Казько. – Мн.: Маст. літ., 1987. – 430 с.
7. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – 475 с.

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В ФАМИЛИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ

И.Я. Кураш
Витебск, ВГУ

Фамілія як афіцыйны антропым трэбуе абавязальнай пісьменнай фіксацыі, пры гэтым набываюцца дзве процывопаложныя тэндэнцыі: традыцыйнасць і нарматыўнасць. Следаванне традыцыі пазваляе сахраніць звуковую і буквенную аблік некотрых фамілій, хоця зачастую ў ных замакрэплены неверныя с точки зрэння орфографіі напісанія. Стремленне к нарматыўнасці і аднообразію напісанія фамілій прыводіць к страванню дыялектных чэрт, нашедшых отражэнне ў онімах. Для большага дэталёвага ізування гэтых явлэнняў возмажно на матэрыяле пісьменных істочнікаў проследіць працэс ізування фамілій, так как пры гэтым фіксуруюцца разнавременныя варыянты фамільных антропым, прыналежавшых членам адной сямьи.

Цель даннай статыі – выявіць асабеннасці праявлэння варыатывнасці ў фаміліях старообрыдцев, пражываючых ў заападнай частцы Вітэбскай абласці. Гэта дае возмажносць ізувать месчныя асабеннасці прывношэння, отражаючыя жывую речь рускых носітэляў гавора, а такжэ ізучыць характэр ізуванняў ў стравуры антропым. В качэствэ абьекта ізування ізуваецца сывстама фамільных оным старообрыдцев. Прадметам ізування являюцца спецыфічныя фонетычныя і словаобразаватэльныя чэрты, котрыя пазваляюць аравдэ-

лить направление и характер изменений в фонетическом облике фамилий и в их структуре. Основными методами работы являются описательный и сравнительно-сопоставительный.

Анализируя фонетические и структурные особенности фамилий старообрядцев, необходимо отметить значительное число вариантов, указывающих на нестабильность фамильной системы в конце XIX – начале XX вв., и выделить несколько групп фамильных вариантов, бытующих в среде старообрядцев.

1. Варианты фамилий, имеющих отличия в фонетическом оформлении основы или словообразовательного форманта. Такие отличия могли возникать под воздействием звукового строя говора и отражать его характерные черты. Среди них отмечены:

а) мена гласных звуков в основе и в форманте. В фамилиях нашли отражение такие фонетические явления, известные говору, как аканье (*Гвоздов – Гваздов*, *Мазорин – Мозорин*), иканье (*Красняков – Красников*, *Менченков – Мннченков*), неразличение [а] и [э] в первом предударном слоге после мягких согласных (*Грязнов – Грезнов*), процессы фонетической замены в ударном слоге (*Дудолев – Дудылев*). Некоторые отыменные фамилии представлены в двух вариантах – церковном и народном: *Севастианов – Савастьянов*, *Феодоров – Фёдоров*, *Феодотов – Федотов*;

б) мена согласных звуков как результат различных фонетических процессов: *Мамзелев – Мензелев*, *Нецветный – Нетветный*, *Парындовский – Парынговский*, *Скробов – Скродов*, *Цветков – Тветков*. Следы влияния белорусского языка зафиксированы в следующих антропонимах: *Дивинчуков – Дзивинчуков*, *Завирин – Завирын*, *Тетерюков – Цецерюков*. Лексическая замена основы привела к появлению варианта *Цветков – Кветков* (бел. *кветка*).

2. Варианты фамилий, имеющих отличия в словообразовательных формантах, характеризующихся общим значением принадлежности. Функционирование дублетов с различными патронимическими суффиксами отмечено Н.В. Бирилло уже в материалах XVI – XVIII вв. [1]. Чаще всего варьируются финалы *-ов//ович*, *(-евич)*, *-ов//енко//енкин*, *-онок//ов*, *-енко//енок*, *-ук//уков*, *-ич//ичев*, *-ин//ов*. Апеллятивное прозвищное имя практически во всех случаях заменяется патронимической формой на *-ов*, *-ев*, *-ин*: *Воевода – Воеводов*, *Зуй – Зуев*, *Лисица – Лисицын*, *Чалка – Чалкин*.

Распространенность непроизводных фамилий на территории Беларуси в различные исторические периоды была неодинаковой: в XVII в. – 53,75%, в XIX в. – 23,65%, в XX в. – 14,67% [1]. Тем не менее заметно малое количество непроизводных старообрядческих фамилий (5%) по сравнению с белорусскими. Особо отметим, что преобразования непроизводных фамилий старообрядцев осуществлялись с помощью формантов *-ов*, *-ев*, *-ин*, которые воспринимались носителями говора как русские, исконные.

Выводы. Таким образом, в именной системе старообрядцев происходил процесс переоформления фамильных образований в соответствии со словообразовательным стереотипом. Наблюдаются две разновидности этого процесса: преобразование непроизводных фамилий в производные с помощью формантов *-ов*, *-ин* и добавление формантов *-ов*, *-ин* к уже оформленным суффиксами патронимическим формам. Структурные преобразования фамилий сопровождаются фонетическими изменениями, отражающими особенности звукового строя говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бірыла, М.В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М.В. Бірыла. – Мінск, 1988. – 68 с.